

И. Георгиева (НРБ) говорила о проблемах преемственности в духовной культуре болгар. Она отметила, что духовные ценности передаются двумя путями: с помощью межэтнических связей внутри одного общества и путем бытовых связей различных этносов между собой. Влияние тех и других контактов славян с фракийцами сказалось в мифологии (мифы о змее — покровительнице семьи, о добровольной жертве животного), обрядах, связанных со скотоводством (почитание св. Георгия), в свадебном и погребальном обрядах. Фракийское наследие ощущается и в фольклоре.

Весьма существенный вопрос об использовании славянами на Балканах фракийских трудовых навыков и орудий был освещен Н. Колевым (НРБ) в докладе «Фракийские орудия у болгар». Ассимиляционный процесс на Балканском полуострове в IV—VII вв. закончился победой славянских элементов в культуре болгар. Это, однако, не означало исчезновения в ней следов фракийской культуры. Они проявились и в духовной, и в материальной культуре болгар, в частности, в сельскохозяйственных орудиях. Речь идет о различных видах плугов, гладких серпах, так называемой «паламарке» (род деревянной «перчатки», используемый жнецами), «диканье» (лат. *tribulum*), а также некоторых виноградарских орудиях. Орудия и навыки, воспринятые славянскими племенами на Балканах, способствовали продуктивному развитию сельскохозяйственной техники в средневековой Болгарии.

Г. Алдеа (СРР) в докладе «Элементы гето-дакийских коммуникаций, сохраненные в народном румынском искусстве» отметил, что декоративные мотивы в народном искусстве румын сохранили орнаментальные символы; известные в Карпато-Дунайско-Понтийской области с эпохи неолита и бронзы. В некоторых из них он увидел аналогии с идеограммами или слогами хеттской письменности и письменности Хараппы.

Значение образа Орфея — фракийского мифологического певца и игрока на кифаре — в творчестве европейских композиторов отметила в своем докладе Л. Брашова-Станчева (НРБ), указавшая, что этот образ вдохновлял Л. Росси, Хр. В. Глюка, И. Гайдна, Ф. Листа, Я. Оффенбаха, И. Стравинского и многих других корифеев музыкального искусства.

В докладе В. Пухнер (Австрия) «Некоторые обряды переодевания и церемонии в Южной Фракии и гипотеза греческого театра» было обращено внимание на свидетельства источников об обряде переодевания у фракийцев, совершаемом во время дионисических культовых действий. Этот обряд оказал существенное влияние на формирование раннего этапа древнегреческой драмы.

В докладе И. Нандрис (Англия) «Джебеле горы Синай. Этно-историческое исследование фракийских черт Юстиниановского изолята, оторвавшегося от влахов» была поставлена проблема, не затронутая другими докладчиками, но тем не менее представляющая значительный интерес для общей этнографии. Это проблема сохранения этноса и определяющих его признаков в инонациональной среде, рассмотренная в данном случае на материале особой группы населения Южного Синая — джебелехских бедуинов. По самосознанию и ряду этнических особенностей они отличаются от окружающего их населения горы Синай. Письменные источники и устная традиция сохранили сведения о том, что они — потомки охранников монастыря «Метаморфозис» (позднее — св. Екатерины), посланных сюда из Влахии императором Юстинианом в 535 г. Джебеле приняла ислам и многие элементы культуры бедуинов, но сохранили и некоторые свои этнические особенности. Автор полагает, что император Юстиниан, сам выходец из южнодунайских областей, для несения охраны монастыря мог выбрать нижнедунайских жителей, говорящих на латыни. Таким образом, бедуины-джебеле являются скорее всего потомками фракийцев, и изучение тех этнических особенностей, которые отличают их от окружающего населения, должно способствовать реконструкции специфики древнефракийского этноса.

Многообразие и разносторонность этнографических проблем на III Фракологическом конгрессе указывают на перспективность такого рода исследований. До настоящего времени фракология давала и дает сейчас много ценных материалов по древнейшей и древней (собственно античной) истории крупного Балкано-Карпатского региона Европы. Этнографические исследования позволяют фракологии выйти в современную тематику, указывая на роль фракийского этноса в этногенезе современных народов Юго-Восточной Европы и на преемственность древней этнокультурной традиции. Эти исследования требуют дальнейшего усиления и координации работы фракологов, занимающихся проблемами древнебалканского этнокультурного наследия народов Юго-Восточной Европы.

Т. Д. Златковская

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 24 сентября по 21 октября 1979 г. в Серахском, Кушкинском, Тахта-Базарском, Иолатанском и Марыйском районах ТССР работал этнографический отряд Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР в

составе А. Оразова (начальник отряда), А. Долгова, А. Теджева, Г. Мырадова, С. Шаманова (шофер). Цель работы — сбор новых полевых этнографических и иллюстрационных материалов по плановым

темам сектора этнографии: «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Туркменистане» и «Историко-этнографический атлас Туркменистана».

Следует отметить, что каждый участник экспедиции интересовался не только своей узкой тематикой, но и многими другими вопросами этнографии населения Юго-Восточной Туркмении в прошлом и настоящем.

А. Оразов и Г. Мырадов собирали сведения преимущественно по вопросам хозяйственной деятельности населения Юго-Восточной Туркмении в прошлом и настоящем, по традиционным и новым обычаям, обрядам и праздникам, связанным с производственной деятельностью, семейно-бытовым обрядам, этнической истории и др. Среди сведений о семейно-бытовых обрядах наибольший интерес представляют данные о магических функциях некоторых имен детей, а также об отдельных способах «лечения» от бесплодия. Так, среди туркмен-салыров Серахского оазиса существовал в прошлом ряд магических обрядов, связанных с волком. Считалось, что бездетная (бесплодная) женщина, перешагнув через волка, якобы могла родить ребенка. Если после совершения такого обряда, у нее рождался ребенок, ему давали имя, содержащее слово «волк», мальчишкам — Курт, Можек, Аннакурт, Куртмурат и др., девочкам — Огулкурт, Язкурт и др. В случае, если у женщины часто умирали дети, то новорожденного проносили через пасть волчьего черепа, назывался этот обряд «моджегинг эренинден гечирмек». Если ребенок был большим, то волчьи челюсти раздвигали, специально скрепляя веревочкой. После совершения данного обряда мальчику также давали имя Гурт, Можек и др., а девочке — Огулгурт, Язгурт и др.

Получены сведения об обрядовой пище туркмен-сарыков и салыров в прошлом, об их похоронных обрядах и обрядовом фольклоре.

А. Теджев собирал материал, главным образом, по верованиям, обычаям и обрядам туркмен-салыров, сарыков, текинцев, связанным с их религиозными верованиями и семейным бытом. В частности, им собран интересный материал о детских обрядах, о шаманстве, о пережитках домусульманских верований и представлений, в частности о духах (джин, аджина и др.).

А. Долгов уже в течение ряда лет изучает туркменские ремесла и домашние промыслы. В 1979 г. он собирал материалы о

традиционных ремеслах и промыслах, а также о современном состоянии кузнечного, ювелирного, гончарного, ткацкого и др. промыслов и тех изменениях, которые произошли в них за советский период. В результате последней экспедиции А. Долговым были собраны новые сведения о технологических процессах различных видов ремесленного производства, о сбыте готовых товаров, о жизни и деятельности ремесленников, работающих ныне в обследованных районах.

Интересно отметить, что в прошлом у салыров вода и земля распределялись по количеству женатых членов общества. Значительный интерес представляют сведения об обычаях и обрядах, связанных с земледелием, — «гоша гавун», «харман той», «хыдыр кесек», «хакгулла», «хасыл той» и др., записанные в Серахском и Кушкинском районах. Так, согласно древнему обычаю земледельцев уродившуюся на бахче сдвоенную дыню («гоша говун», или «хыдыр горен гавун») хозяин должен отнести вместе с 9 дынями какому-нибудь состоятельному хозяину. Тот, кто ее получал, должен был ответить каким-либо подарком, чаще всего козленком или ягненком. Сдвоенную дыню вешали в доме на видном месте и держали до тех пор, пока она не начинала портиться, остальные 9 дынь съедали. Тот, кто получал козленка или ягненка, резал его и устраивал ритуальное угощение в честь мифического патрона земледелия Бабадайхана. Описанный обычай известен и текинцам.

Среди туркмен-салыров до недавнего времени сохранялся ряд своеобразных обычаев, связанных с хашарной работой («газы»). Так, во время хашарных работ, когда рабочие по очистке арыка — газычи шли по аулу, каждое хозяйство, к которому они подходили, давало им два чуречка, а некоторые зажиточные хозяйства устраивали угощение, зарезав барана. У салыров в прошлом бытовал также древний обычай — при первом, после очистки, пуске воды в арык в нее бросали мираба, чтобы арык был многоводным, а урожай хорошим.

Изучался также скотоводческий хозяйственный цикл, связанные с ним обычаи и обряды, терминология. Так, у салыров и сарыков байские хозяйства скотоводов делились на две категории — «улы бай» и «кельте бай». Хозяйства «улы бай» имели по нескольку отар овец, рабочих верблюдов и свои колодцы в песках. В скотовод-

ческих хозяйствах «кельте бай» обычно было одно стадо овец, и выпасали его на пастбищах у аула в приоазисных песках; иногда имелся свой колодец.

Мы подробно записали обычаи и обряды, связанные со строительством и эксплуатацией, чисткой колодцев, очищением воды в них.

В ходе работы экспедиции мы записали в двух местах народный календарь туркмен и связанные с ним земледельческие работы (время сева, полива, жатвы и др.). Следует отметить, что традиционный народный земледельческий и скотоводческий календарь у туркмен до сих пор не потерял своего хозяйственного значения и нередко используется дехканами и в наши дни.

Во время поездки нами собраны разнообразные сведения и о семейно-бытовых и

свадебных обрядах у туркмен-салыров, сарыков, текинцев, джемшидов, белуджей и др. Записаны интересные народные предания о происхождении туркмен-текинцев, сарыков, эрсары, об их легендарном предке богатыре Салыр-казане, об этническом составе и расселении этих групп.

Значительное внимание было уделено также изучению взаимоотношений представителей различных национальностей — туркмен, украинцев, джемшидов, казахов и сближению их культуры и быта в совхозах «Пограничник», «Чеменебит», «Кала-и-мор», «Сандыкачи», «Красное Знамя» и др.

В целом, в ходе экспедиции собран богатый новый этнографический материал, который найдет отражение в плановых работах сотрудников института.

Г. Мырадов, А. Оразов